

В.М. Головнин и отбор участников кругосветного плавания на военном шлюпе «Камчатка»

Дмитрий Копелев

V.M. Golovnin and the selection of participants in the circumnavigation on the sloop «Kamchatka»

Dmitriy Kopelev

(The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S086956870005113-5

Институциональную среду любого общества на всех уровнях социальных иерархий пронизывает разветвлённая система патронатных связей, масштабы которых, равно как и механизмы функционирования, формы проявления, идеологические оболочки и типологии широко видоизменяются и варьируются в зависимости от социокультурных и политических традиций¹. В Российской империи патронатные отношения чаще всего сказывались на карьерном продвижении, а изучение их сводилось преимущественно к анализу фамильно-родственного nepoтизма, зачастую скрытого от глаз и потому скорее предполагаемого с большей или меньшей вероятностью². Но как складывалась

© 2019 г. Д.Н. Копелев

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00103/18.

¹ Campbell J. Honour, Family and Patronage. Oxford, 1964; Wolf E.R. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relation in Complex Societies // The Social Anthropology of Complex Societies / Ed. by M. Banton. L., 1966; Network Analysis: Studies in Human Interaction / Ed. by J. Boissevain, J.C. Mitchell. The Hague, 1973; Boissevain J. Friends of Friends: Networks, Manipulators and Coalitions. Oxford, 1974; Friends, Followers and Factions: a Reader in Political Clientelism / Ed. by S.W. Schmidt, L. Guasti, C.H. Lande, J.C. Scott. Berkeley, 1977; Le Roy Ladurie E. Système de la cour (Versailles, vers 1709) // Le territoire de l'historien. II. Paris, 1978; Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge, 1984; Kettering S. Patrons, Brokers and the Clients in Seventeenth Century France. Oxford, 1986; Lux D. Patronage and Royal Science in Seventeenth Century France. The Académie de Physique in Caen. N.Y., 1989; Patronage and Institutions: Science, Technology and Medicine at the European Court, 1500—1750 / Ed. by B.T. Moran. Woodbridge, 1991; Levy-Peck L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. L., 1993; Zemon-Davis N. The Gift in the Sixteenth Century France. Oxford, 2000; Newbury C. Patrons, Clients and Empire. Chieftaincy and Over-rule in Asia, Africa and the Pacific. Oxford, 2003; Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М., 2016.

² Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia 1600—1800. New Haven, 1983; Orlovsky D. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia / Ed. by T.H. Rigby, B. Narasymiw. L., 1983; LeDonne J.P. Ruling Families in the Russian Political Order 1689—1825 // Cahiers du Monde Russe et Sovétique. Vol. 28. 1987. № 33/4; LeDonne J.P. Frontier Governors General 1772—1825 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 47. 1999. H. 1; Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit / Ed. by A. Maczak. München, 1988; Velychenko S. Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // Russian Review. Vol. 54. 1995. № 2; Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000; Hosking G. Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review. Vol. 78. 2000. № 2; Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России // Новое литературное обозрение.

подобная «система», включавшая не только родственные, но и многочисленные дружески-приятельские, соседские и профессиональные связи? На флоте³ толчком для формирования одного из звеньев разветвлённой патронатной сети нередко становилась служба на одном корабле, порою предопределявшая будущую жизнь⁴. Так, кругосветное плавание под началом В.М. Головнина на военном шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. способствовало формированию когорты будущих прославленных учёных-исследователей — адмиралов Ф.П. Литке, Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина⁵.

В то время начинались великие российские географические открытия в Тихом океане. Основные маршруты русских кораблей пролегли от Архангельска в Арктику и с Камчатки на Аляску и в Русскую Америку. Одним из наиболее знаменитых военно-морских офицеров тех лет стал Василий Михайлович Головнин, чьё имя не сходило с уст флотской молодёжи. Храбрец и автор нашумевших записок о пребывании в Японии, он имел богатый послужной список⁶: участвовал в русско-шведской войне 1788—1780 гг., сражаясь на корабле «Не тронь меня» под командой капитана 1-го ранга британца Д. Тревенена, который сопровождал Д. Кука в последнем кругосветном плавании; в 1798—1799 гг. состоял флаг-офицером и переводчиком с английского языка при вице-адмирале М.К. Макарове, посланном для ведения военных действий против Французской республики у побережья Голландии; в 1802 г. отправился волонтером в Великобританию и плавал под флагом У. Корнуоллиса, Г. Нельсона и К. Коллингвуда, затем, вернувшись в Россию, возглавил кругосветное плавание на шлюпе «Диана», побывал в плену у британцев и японцев.

2001. № 49; *Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3.

³ О патронате на флоте см.: *Lewis M.A.* Social History of the Navy, 1793—1815. L., 1960; *Lewis M.A.* The Navy Transition 1814—64: a Social History. L., 1965; *Rodger N.A.M.* The Wooden World: an Anatomy of the Georgian Navy. N.Y., 1986; *Vergé-Franceschi M.* Les officiers généraux de la Marine Royale (1715—1774). Origines, conditions, services. T. 1—7. Paris, 1990; *Capp B.S.* Cromwell's Navy: The Fleet and the English Revolution, 1648—1660. Oxford, 1992; *Gill E.* Children of the Service: Paternalism, Patronage and Friendship in the Georgian Navy // *Journal for Maritime Research*. Vol. 15. 2013. Issue 2. P. 149—165.

⁴ *Копелев Д.Н.* Первое русское кругосветное плавание и остзейские интересы И.Ф. фон Крузенштерна // Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. СПб., 2002. С. 51—70; *Bertelsen L.* Patronage and the Pariah of Captain Cook's Third Voyage: Captain John Williamson, Sir William Jones and the Duchess of Devonshire // *Journal for Eighteenth-Century Studies*. Vol. 38. 2015. Issue 1. P. 29—45; *Bertelsen L.* Political Discussions Onboard HMS Crocodile: David Samwell, James King and the Historical Implications for Captain Cook's Third Voyage // *Mariners Mirror*. Vol. 101. 2015. Issue 3. P. 272—282.

⁵ О плавании на «Камчатке» см.: *Головнин В.М.* Путешествие вокруг света, совершённое на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головным. М., 1965; *Матюшкин Ф.Ф.* Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина // *Шур Л.А.* К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971. С. 27—76; *Литке Ф.П.* Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» // *Шур Л.А.* К берегам Нового Света... С. 89—168.

⁶ Краткая биография флота вице-адмирала Головнина (составленная им самим и коей собственноручный подлинник хранится как святыня в его семействе) (РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 26—33 об.); *Греч Н.И.* Жизнеописание Василия Михайловича Головнина // Морской сборник. 1851. № 7. С. 1—36; *Петри Э.Ю.* Василий Михайлович Головнин // *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина / Под ред. Э.Ю. Петри. СПб., 1894. С. III—XIV; *Давыдов Ю.В.* Головнин. М., 1968; *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972; *Дивин В.А.* Повесть о славном мореплавателе (к 200-летию со дня рождения В.М. Головнина). М., 1976; *Козлов С.А.* Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, 1810—1820-е гг. СПб., 2016.

В 1816 г. перед его экспедицией на военном шлюпе «Камчатка» ставились важные задачи: доставка грузов и продовольствия в Петропавловский и Охотский порты, «обозрение» колоний Русской Америки и выяснение географического положения «островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами»⁷. Особый, «секретный», характер миссии придавало предписание подвергнуть ревизии деятельность Российско-Американской компании и расследовать допускаемые ею злоупотребления. «Ты имеешь редкий случай сказать своему государю правду, — заявил Александр I Головнину на последней аудиенции. — Я часто употребляю несколько месяцев, чтобы узнать истину о том, что делается около меня, но за 13 тысяч вёрст я никакого не имею на то способа. Я надеюсь, что ты известишь меня откровенно о всём, что происходит в селениях нашей Американской компании, о которой я слышал много худого»⁸.

Выбор императора объяснялся блестящей карьерой капитана, готового «жизнь свою подвергать опасности, лишь бы только... доставить пользу отечеству и всему учёному свету новыми открытиями и достоверными описаниями»⁹. Его профессиональные и нравственные качества были безупречны. Врангель, например, особо выделял кристальную честность и благородство Василия Михайловича, «присутствие духа в опасностях, решительность и быстроту в принятии мер для достижения предположенной цели, неутомимость в терпении трудов, постоянство в дружбе», особо выделяя «признательность к усердным сослуживцам и подчинённым»¹⁰. По словам Литке, капитан «Камчатки» «показывал пример строгого исполнения своих обязанностей. Ни малейшего послабления, ни себе, ни другим. В море он никогда не раздевался. Мне случалось даже на якоре, приходя рано утром за приказаниями, находить его спящим в креслах, в полном одеянии. Это не составляло для него никакого лишения»¹¹.

Гордец и правдолюб, Головнин являлся требовательным и суровым начальником, который, никому и никогда не делая поблажек, «держал себя совершенным деспотом, неизмеримо высоко над всеми подчинёнными... Все его очень боялись, но вместе и уважали за его чувство долга, честность и благородство»¹². Вместе с тем он был свято убеждён в «особости» морской службы и избранности всех, кто посвятил себя ей.

Свои взгляды Головнин изложил в рукописи «О состоянии Российского флота в 1824 г.», подписанной псевдонимом «Мичман Мореходов». Размышляя о причинах упадка военно-морских сил империи, недавний помощник директора Морского корпуса, ставший уже генерал-интендантом флота, наметил обширную программу преобразований, не докладывая о ней начальству, поскольку «в официальных бумагах не всегда можно всякую вещь назвать своим именем; откровенность такая, как известно, многим, сказать попросту, сломала

⁷ Головнин В.М. Путешествие вокруг света... С. 25.

⁸ РГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 1 об. О последствиях ревизии Головнина в Русской Америке см.: Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Т. 4. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815—1841 / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 2005. С. 65—68; Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М., 2016. С. 316—324.

⁹ РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 22 об.

¹⁰ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 23.

¹¹ Безобразов В.П. Граф Фёдор Петрович Литке. Т. 1. СПб., 1888. С. 88.

¹² Там же. С. 94, 95.

шею»¹³. Констатируя, что «умные и достойные люди убегают и гнушаются морскою нашею службою», автор записки признавал: «Из всех занятий, коим посвящает себя человек для общественного блага, морская служба есть занятие самое тягостное, самое несносное и самое опасное. Вступающие в неё должны с самых юных лет, на всё время цветущей молодости, лишиться почти всех приятностей жизни»¹⁴. Что же способно побудить «свободных людей» отречься «от многих лучших удовольствий жизни и вместо оных заставить их повергнуть себя великим беспокойствам, трудам и опасностям»? Деньгами, по мнению Головнина, «можно только прельстить корыстолюбивую сволочь, от которой никаких великих подвигов ожидать нельзя», и «одно лишь честолюбие может подвинуть людей, способных к славным делам, на пожертвование всем и вступление на столь опасное поприще»¹⁵.

Соответственно, особое внимание следовало уделить подбору, воспитанию и образованию молодых офицеров, проверяя их качества в экстремальных условиях, требующих предельной мобилизации сил. Кругосветное плавание подходило для этого как нельзя лучше. Не случайно в 1816 г. Головнин потребовал «в уважение долговременного, отдалённого и многотрудного плавания, мне предстоящего, позволить, чтоб я сам назначил офицеров и выбрал нижних чинов»¹⁶. Действуя осмотрительно, советуясь со знающими людьми и используя дружеские, родственные, соседские и профессиональные связи, он прежде всего приглашал на «Камчатку» лично ему известных ветеранов с шлюпа «Диана», к которым «питал всегда особенную и весьма естественную привязанность»¹⁷. Одним из них был лейтенант Никандр Иванович Филатов, добрый сосед Головнина по рязанским именьям¹⁸, захвативший в сентябре 1812 г. японского торговца Такадая Кахэя и сыгравший немалую роль в спасении своего командира из японского плена¹⁹. Филатов остался тогда служить на Дальнем Востоке, командовал транспортом «Борис и Глеб», но в 1816 г. его специально отозвали в распоряжение Головнина, который назначил его вторым помощником²⁰. С «Дианы» на «Камчатку» также перешли писарь Степан Савельев и «горький пьяница» Владимир Скородумов — фельдшер 14 класса Каменоостровского инвалидного корпуса²¹.

¹³ Мичман Мореходов. О состоянии Российского флота в 1824 году. С рукописи, найденной в неполном виде в бумагах вице-адмирала В.М. Головнина. СПб., 1861. С. 47. Далее цитируется по рукописи: РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 25.

¹⁴ РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 82 об., 75.

¹⁵ Там же, л. 75 об., 76.

¹⁶ Там же, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 20.

¹⁷ Безобразов В.П. Указ. соч. С. 89.

¹⁸ Имение Филатовых в с. Быково (Пронский уезд Рязанской губ.) находилось в нескольких верстах от с. Гулянки, родового владения Головинных. По соседству с другим имением Филатовых, в селе Бештино (совр. Бештино), располагались владения Тютчевых, из рода которых происходила Анна Богдановна Вердеревская — бабушка Головнина, воспитывавшая его до поступления в Морской корпус (Попов Н.С. Никандр Иванович Филатов — спутник капитана В.М. Головнина в кругосветных путешествиях // Во все концы достигнет россов слава. Материалы XXXIV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2017. С. 211).

¹⁹ Подробнее см.: Козлов С.А. Русские открывают Японию... С. 122—145.

²⁰ Литке дал ему весьма нелестную характеристику: «офицер очень посредственный, а человек пренегодный», «негодяй», интригам и наущничеству которого «обязаны мы были всеми смутами, всеми неприятностями, возникшими скоро в кают-компании» (Безобразов В.П. Указ. соч. С. 89). Головнин, «порядочно раскусивший этого человека», продолжал, однако, ему покровительствовать: в 1821 г., по его рекомендации, Филатов возглавил кругосветное плавание на бриге «Аякс». С собой он взял своего родного брата — Фёдора Филатова и шурина Головнина — Ардалиона Степановича Лутковского.

²¹ РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 133.

Готовясь к плаванию, Головнин подумывал взять с собой и невесту — Авдотью Степановну Лутковскую (1793—1884)²². В «черновых записках» он признавался, что, согласившись возглавить «Камчатку», поставил себя в «самое неприятное состояние» и вынужден был пойти на «чрезвычайное пожертвование», на два года отложив намеченную свадьбу. По его мнению, жениться и сразу же покинуть супругу означало совершить шаг «малодушный, достойный посмеяния». Оставалось «или честию жертвовать любви, или любовию чести, потому что великодушная и добрая моя невеста на всё соглашалась, что я сам изберу»²³. Позднее в «Краткой биографии» он написал, что «мог бы и отказаться от сего путешествия, но такой поступок казался ему слишком низким и непростительным»²⁴.

Как вспоминал Головнин, Авдотья Степановна «готова была охотно предпринять путешествие со мною, но пусть всякий, кто имеет чувствительное сердце, вообразит себя на моём месте и посудит, чего мне стоил выбор, как поступить... Взять жену с собою противно нашим постановлениям. Положим, однако ж, чтоб я получил на сие позволение государя, то мог ли я ручаться за сохранение здоровья и даже самой жизни жене моей? Морская болезнь, сырой воздух, теснота, сидячая жизнь, частые недостатки в свежей пище, беспрестанная перемена климата, гнилая вода, страх во время бурь и грома — вот причины, достаточные и самого крепкого мужчину, не привыкшего с малолетства к морским путешествиям, погубить, а не только слабую женщину, выросшую в покое и во всех удобствах жизни. К сему присовокупить ещё надобно припадки, которые могли случиться с молодою замужнею женщиною от беременности. По всему этому я был твёрдо уверен, что взять жену с собою в такое путешествие значило погубить её и себя, ибо, лишившись её, я никогда не искоренил бы у себя из мыслей, что не я смертоубийца её, а мысль сия могла довести меня до такой крайности, на какую в самые ужасные годы моей жизни — в японском плену — я не покушался»²⁵. В итоге они обвенчались уже по возвращении Василия Михайловича — 15 октября 1819 г. в церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади Санкт-Петербурга.

В экспедицию с Головниным отправились два будущих шурина: гардемарины Ардалион (1797—1821) и Феопемпт (1803—1852) Лутковские. Между тем незадолго до неё, в 1816 г., «безшабашного» Ардалиона вместе со Степаном Артюховым, разжаловали из гардемарин в матросы за пьянство и «сослали» в Свеаборг. По словам Г.А. Лумпановой, «восстановлению Ардалиона Лутковского в прежнем чине содействовал Головнин, он же и взял его с Артюховым в свою команду, хотя первоначально планировалось взять в плавание из Морского

²² Дочь тверского помещика, отставного поручика лейб-гвардии Преображенского полка Степана Васильевича Лутковского (1754—1840) и Пелагеи Михайловны Козиной (1761 — после 1819).

²³ РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 52. Отрывки из черновых «Записок» см.: Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина... С. 490—492.

²⁴ РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 29. Решение расстаться со «страстно любимой» невестой давалось мучительно; молодые мичманы, ожидавшие со дня на день выхода в море, с немалым, видимо, изумлением наблюдали за любовными терзаниями заслуженного моряка: «Капитан приехал в 7-м часу поутру, — с иронией записал 24 августа 1817 г. в своём дневнике Литке. — Ветерочек был благополучный, и мы намерены были сняться, но к полудню он переменялся и сделался нам противный. Я полагал, что капитан был в Петербурге в последний раз, но сегодня вечером он опять туда поехал. О, любовь! Любовь...» (Там же, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 3).

²⁵ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 52, 52 об.

корпуса только двух гардемаринов»²⁶. Феопемпту к моменту его включения в экспедицию исполнилось всего 14 лет. К тому же в феврале 1817 г., когда морской министр И.И. де Траверсе отдал распоряжение директору Морского корпуса П.К. Карцову направить на «Камчатку» двух гардемаринов, младший брат Евдокии Степановны был ещё кадетом. Василий Михайлович решил не торопить события и только 14 июля, через неделю после производства Лутковского в гардемарины, назвал его фамилию²⁷.

Пожалуй, труднее всего оказалось найти лекаря, назначение которого изначально было поручено Медицинской экспедиции. В июле 1817 г., когда экипаж «Камчатки» уже почти полностью укомплектовали, генерал-штаб-доктор Яков Лейтон, ссылаясь на крайнюю нехватку медиков, предложил взять на борт отставного доктора медицины Фридриха Геденберга, выпускника Дерптского университета. Морской министр запросил мнение Головнина, который, с трудом сдерживая раздражение, отклонил данную кандидатуру, поскольку ни от кого не смог узнать, готов ли тот к «такому дальнему путешествию». В своём рапорте капитан напоминал, что ему нужен «хорошего поведения искусный лекарь», способный обеспечить «успех предполагаемой экспедиции». Выставленные Геденбергом требования (жалованье в 1 200 руб. и отдельная каюта) казались чрезмерными. Головнин даже жаловался де Траверсе на врачей, которые «желают предпринять предназначенное ему путешествие на своих условиях, требуя или чинов, или большего, ни с чем не соразмерного жалования», хотя «должны... служить своему государю, как и прочие офицеры не по выбору и разбору, а куда назначены будут»²⁸. 17 августа Медицинская экспедиция предоставила Головнину возможность «приискать самому врача и кто им избран будет экспедицию уведомить». Свой выбор Василий Михайлович остановил на штаб-лекаре Антоне Новицком, добровольно изъявившем желание отправиться в плавание²⁹.

Художником экспедиции стал М.Т. Тиханов. Происходя из дворовых шталмейстера Двора кн. Н.А. Голицына, он в 1806 г., по прошению князя, был определён пенсионером в Академию художеств, где обучался по классу исторической живописи у В.К. Шебуева, и обратил на себя внимание благодаря

²⁶ Лумпанова Г.А. Контр-адмирал Феопемпт Степанович Лутковский. Тверь, 2010. С. 14, 15. Ардалион погиб в кругосветном плавании на бриге «Аякс», потерпевшем крушение в Северном море.

²⁷ Там же. С. 11, 12. На «Камчатке» Ф.С. Лутковский помогал В.М. Головнину в «переписке набело английских бумаг» (Головнин В.М. Путешествие вокруг света... С. 30.) и отвечал за «собрание редкостей». В 1821—1824 гг. на шлюпе «Аполлон» он совершил своё второе кругосветное плавание. Человек образованный, «со свободным образом мыслей», Феопемпт проживал на квартире Головнина и занимался переводами с английского языка. В 1826 г. из-за дружеских связей с Д.И. Завалишиным его привлекли к следствию по делу декабристов (ОР РНБ, ф. 1000, оп. 3, д. 628) и перевели по Высочайшему повелению на Черноморский флот, определив под особый надзор адмирала А.С. Грейга. Отличившись в сражениях во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., он был в 1830 г. освобождён от надзора и получил разрешение приезжать в Петербург. В 1839 г. воспитатель вел. кн. Константина Николаевича Литке добился назначения Лутковского своим помощником, и до 1848 г. «Феопушенька» или «добрый Феопух» состоял при молодом генерал-адмирале флота, а затем стал вице-директором Инспекторского департамента Морского министерства, до конца жизни с благодарностью вспоминая своего «благодетеля» Головнина (Шульц В.К. Несколько слов о жизни и службе Свиты его императорского величества контр-адмирала Ф.С. Лутковского. СПб., 1852; Сидорова А.Н. Детство и юность великого князя Константина Николаевича в мемуарах Ф.П. Литке и Ф.С. Лутковского // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 8. М., 2012. С. 278—291).

²⁸ РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 145.

²⁹ Там же, л. 150, 156.

полотну «Расстрел русских патриотов французами в 1812 г.»³⁰. В 1815 г. Тиханов получил вольную и остался на казённом содержании при Академии. Головнину его настойчиво рекомендовал известный учёный, литератор, археолог и художник А.Н. Оленин, занимавший тогда пост государственного секретаря, директора Императорской публичной библиотеки и президента Академии художеств. При этом Оленин отмечал, что Тиханов вышел из Академии «почти как все воспитанники выходят, с одним талантом, следовательно без всякого запаса в платье, белье и обуви и без денег, а потому и нужно будет его последними снабдить на счёт казённый»³¹. По решению Александра I живописцу отпустили из казны 1 500 руб. и предоставили денщика; по возвращении из плавания ему был обещан очередной чин³².

При назначении офицеров, Головнин также внимательно прислушивался к рекомендациям. По-видимому, именно ими объяснялось казавшееся «чудесным» назначение на «Камчатку» мичмана Фердинанда Врангеля. Оставшись в детстве сиротой, он воспитывался в доме дяди, а в 1810 г. поступил в Морской корпус, который закончил в 1815 г.³³ Согласно преданию, узнав по секрету о подготавливаемой экспедиции, Врангель просил главного командира Ревельского порта походатайствовать за него, но получил отказ: Головнин сообщил, что берёт с собой только лично ему знакомых офицеров. Тогда молодой эстляндец решился на отчаянный поступок: сказавшись больным, он подал рапорт и покинул фрегат «Автроил», отправлявшийся на зимовку в Свеаборг, на каботажном судне с 15 руб. в кармане прибыл в Петербург, и бросившись к Головнину, умолял его о зачислении в состав экспедиции хотя бы простым матросом. На командира он произвёл благоприятное впечатление и был принят³⁴.

Между тем ещё в Эстляндии Врангель познакомился и навещал руководителя первой русской кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна, проживавшего на мызе Асс. «Наш Кук», как позже иронично прозвали Ивана Фёдоровича молодые Литке и Врангель, принял самое деятельное участие

³⁰ *Моисеева С.В.* Об авторстве картин «Расстрел французами русских патриотов в Москве в 1812 году» (ГРМ) и «Расстрел французами русских граждан в 1812 году» (ГТГ) // Русский музей. Страницы истории отечественного искусства XVI—XX вв. К 100-летию со дня рождения Георгия Викторовича Смирнова. Вып. XIII. СПб., 2007. С. 25—31.

³¹ РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 222, 222 об.; 118—119, 127—129.

³² За время экспедиции Тиханов сделал более 50 рисунков и акварелей, представляющих большую научную и художественную ценность. Часть из них (43 работы) Головнин передал Оленину, после смерти которого в 1843 г. рисунки поступили в библиотеку Академии художеств. Там их переплели в альбом, забыв указать имя автора (РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1197). В 1943 г. работы Тиханова перешли в Музей Академии художеств, в 1949 г. некоторые из них появились в печати. Сам художник, которым Головнин был очень доволен, заболел на Филиппинских островах, вернулся на родину в глубокой «ипохондри» и вскоре лишился рассудка. Выйдя в 1822 г. из городской психиатрической лечебницы, он получил пенсию и до конца жизни проживал под опекой художника И. Лучанинова, а затем его вдовы (*Шур Л.А.* Художник-путешественник Михаил Тиханов // Латинская Америка. 1974. № 5; *Целищева Л.Н.* Забытые авторы известных картин // Художник. 1989. № 5. С. 38—42; *Farris G.J.* The Bodega Miwok as Seen by Mikhail Tikhonovich Tikhanov in 1818 // Journal of California and Great Basin Anthropology. Vol. 20. 1998. № 1. P. 2—12; *Рутенко Ю.С.* М.Т. Тиханов (1789?—1862) — первый русский живописец, побывавший на Филиппинах // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-174-9/978-5-88431-174-9_30.pdf); *Файбисович В.* Портрет брамина Нам-Джоги-Алана 1817 // Родина. 2016. № 3.

³³ Подробнее см.: *Шварц К.Н.* Барон Фердинанд Петрович Врангель, 1796—1870 гг. Биографический очерк // Русская старина. 1872. Т. 5. № 3. С. 389—418; *Давыдов Ю.В.* Фердинанд Врангель. М., 1959; *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. М., 1975.

³⁴ ОР РНБ, ф. 874, оп. 1, д. 29, л. 742.

в судьбе способного остзейца. В то время готовился отбыть на Дальний Восток друг Головнина и участник плавания на «Диане» Пётр Иванович Рикорд, назначенный начальником Камчатской области. Ходили слухи и о возможной экспедиции в Тихий океан, побудившие Врангеля просить Крузенштерна о рекомендации³⁵. 13 октября 1816 г., когда в морском ведомстве ещё не приняли окончательное решение об отправлении «Камчатки», Головнин уже писал Крузенштерну: «Имел удовольствие видеть г. Врангеля, которому повторил уверения, сделанные мною Вам, что он непременно будет назначен на отправляемый в Камчатку фрегат, если командиром на оном пойдёт г-н Рикорд или я. Вам же, милостивый государь, я весьма много обязан, что Вы доставили мне случай узнать хорошего офицера»³⁶. А через два месяца встревоженный капитан просил Крузенштерна «хоть г-на Врангеля прислать уведомить меня, как его зовут и в котором он экипаже, чтоб при назначении не случилось ошибки, ибо, быть может, что есть и другой мичман Врангель. Я признаюсь, виноват перед ним, он мне оставил о сем записку, но я как-то потерял её»³⁷. В Петербурге действительно служил тогда троюродный брат Фердинанда Петровича — мичман Бернгард Васильевич фон Врангель³⁸.

Вернувшись из плавания, Головнин 14 ноября 1819 г. отправил Крузенштерну письмо, благодаря адмирала за доброе расположение и советы, «в числе коих рекомендация Ваша г-ну Врангелю, по которой я взял его с собой»³⁹. В ответном послании, датированном 19 ноября 1819 г., «Василлей Михаелович» мог с удовлетворением прочесть: «Крайне приятно мне узнать от Вас самих, что Вы довольны г. Врангелем, и премного вам благодарен, что Вы изволили его назначить в новую экспедицию»⁴⁰.

Извилистыми путями попал на «Камчатку» и Фёдор Литке, которого, по словам Врангеля, «с юных лет судьба знакомила... с людьми и с науками»⁴¹. Мать будущего адмирала, дочь медика И.Г.Г. Энгеля Анна (Анна Доротея) Ивановна (1760—1797), скончалась при родах. В 8 лет лишившись отца, он провёл

³⁵ РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 207; *Пассецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. С. 16.

³⁶ РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 29. Назначение Головнина состоялось в феврале 1817 г. (Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 7 об.), о чём он сообщил Крузенштерну 20 марта того же года (Там же, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 32 об.).

³⁷ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 31 об.

³⁸ *Копелев Д.Н.* На службе империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб., 2010. С. 189.

³⁹ РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 33—34.

⁴⁰ Там же, д. 252, л. 54—54 об. В ноябре 1819 г. Головнин познакомил Врангеля с разработанным им планом экспедиции, отправлявшейся для поиска и описания земель, расположенных в северо-восточной Сибири к северу от рек Яны и Колымы, предложив Фердинанду Петровичу возглавить один из отрядов. Врангель, посоветовавшись с Крузенштерном, согласился: для «молодого офицера, начинающего только службу свою», подобное назначение было весьма лестным (Eesti Ajalooarhiiv (далее — ЕАА), ф. 2057 (Врангели), № 1, s. 268, l. 3; *Пассецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. С. 27—29). В 1825 г. по предложению Головнина, тогда уже занимавшего пост генерал-интенданта флота, Врангеля назначили командиром транспорта «Кроткий», направленного в крейсерство к берегам Русской Америки. В 1829 г., став главным правителем Русской Америки, Фердинанд Петрович передал Василию Михайловичу рукопись своего «Путешествия по северным берегам Сибири», принесшую ему впоследствии всемирную славу. Однако Головнин в 1831 г. скончался, и о бумагах Врангеля забыли. Отчёт о Колымской экспедиции впервые был издан на немецком языке в Берлине в 1839 г. с предисловием К. Риттера, затем дважды публиковался его английский перевод. По-русски его напечатали в 1841 г.

⁴¹ ЕАА, ф. 2057, № 1, s. 444, l. 62. См.: *Безобразов В.П.* Указ. соч.; *Орлов Б.П.* Фёдор Петрович Литке. Его жизнь и деятельность // *Литке Ф.П.* Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». М.; Л., 1948. С. 6—25; *Алексеев А.И.* Фёдор Петрович Литке. М., 1970; *Копелев Д.Н.* На службе империи... С. 257—265.

детство у дяди — Ф.И. Энгеля, статс-секретаря Павла I, сенатора и члена Государственного совета⁴². «Дядя взял меня к себе, но как берут с улицы мальчика, чтобы не дать ему умереть с голоду, — с горечью вспоминал Литке. — Он не обращал на меня никакого внимания, как разве для того только, чтобы меня побранить или выдрать за уши»⁴³. О себе Фёдор Петрович отзывался столь же сурово: «Я был вспылчив, обидчив, недотрога, и, как все слабые, любил дуться. *Somme toute* (в общем. — *фр.*), я был совсем дрянной мальчик. Недостаток первоначального воспитания и совершенное отсутствие воспитания после того отозвалось на всю последующую мою жизнь»⁴⁴. При содействии дяди он надеялся попасть в Царскосельский лицей или в Морской корпус, «но при эгоизме и бесхарактерности, его и на это не стало»⁴⁵. Между тем два родных дяди Литке — Карл и Александр — учились в Морском корпусе вместе с адмиралами А.В. фон Моллером (впоследствии морской министр), М.Т. Быченским и Л.В. Спафарьевым. Карл погиб в чине капитана 2-го ранга при осаде Измаила (в память о нём отец Литке и решил сделать сына моряком), Александр же перешёл на статскую службу и к концу жизни состоял инспектором Радзивиловского таможенного округа. Его супруга, Анна Константиновна, была дочерью хранителя придворного серебра К.К. Куличкина и сестрой лейтенанта Василия Куличкина — «волонтёра» Британского флота, погибшего 18 июля 1800 г. при взрыве 100-пушечного корабля «Королева Шарлотта»⁴⁶. В доме А.И. Литке в Радзивилове воспитывалась родная сестра Фёдора Петровича Наталья (1789—1848), которая в 1810 г. вышла замуж за капитан-лейтенанта И.С. Сульменёва (1771—1851) — будущего адмирала (1847) и председателя Морского генерального аудиториата.

С 1810 г. Сульменёв, друг и дальний родственник Головнина, служил в Петербурге. Благодаря ему Литке вошёл в круг морских офицеров и «много тёрся между людьми». Тогда же Дмитрий Головнин (родной брат Василия Михайловича и троюродный брат Сульменёва), по словам Фёдора Петровича, «полюбя меня и видя, что я ничему не учусь, дал мне несколько уроков арифметики и географии»⁴⁷. В 1812 г. Литке находился в отряде Сульменёва на галете «Аглая», которым командовал Фёдор Филатов — родной брат спутника Головнина на «Диане» Никандра Филатова⁴⁸. Зная о желании Литке попасть в кругосветное путешествие, Иван Саввич упросил Головнина, часто заходившего к Сульменёвым, проверить молодого мичмана в деле. «Я тебя запродал, — писал он шурина, — снаряжается на будущий год экспедиция на Камчатку, под начальством В.М. Головнина, который, по просьбе моей, обещал взять тебя с собой»⁴⁹. Однако, попав на «Камчатку», Литке столкнулся с немалыми

⁴² Холостяк Энгель пользовался также покровительством кн. Н.В. Репнина, у которого около десяти лет служил секретарём и правителем канцелярии. Об окружении кн. Репнина см.: *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания. 1777—1834. М., 1872; *Пнин И.П.* Сочинения. Вышний Волочёк, 1934.

⁴³ *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 40.

⁴⁴ Там же. С. 27.

⁴⁵ Там же. С. 58.

⁴⁶ Среди этих избранных «для употребления на английском флоте» молодых офицеров были И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, Я. Беринг, И.О. Салтанов, А.П. Авинов, К.С. и С.С. Грейги (РГАВМФ, ф. 198, оп. 1, д. 72, л. 218—219).

⁴⁷ *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 60.

⁴⁸ *Попов Н.С.* Никандр Иванович Филатов... С. 211. В воспоминаниях Литке дал «лейтенанту Ф.» не самую лесную характеристику: «недурной моряк, но не такой же человек — пьяненький, развратненький» (*Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 71).

⁴⁹ *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 82, 83.

трудностями во взаимоотношениях с командиром и офицерами. «Излишняя живость характера, необдуманность, в первое время незнание порядка службы (где мне было ей научиться?), избалованность прежними начальниками — всё это должно было в глазах капитана давать мне вид какого-то шалопая», — писал адмирал позднее⁵⁰.

Будущий главный командир Русской Америки, а тогда лейтенант Матвей Иванович Муравьёв, «человек умный, начитанный по тогдашнему, предобрый, но несколько флегматичный и ленивый», узнав о назначении своего младшего друга Литке на «Камчатку», «натурально, порадовался, и раз как-то в разговоре сказал, как бы и ему хотелось идти с Головниным, но не знает, как это сделать. Я написал зятю; тот сказал Головнину, и Муравьёв был назначен. Это нас ещё более сблизило»⁵¹. Второй лейтенант, Фёдор Кутыгин, по словам Фёдора Петровича, — офицер «глупый», да ещё и кутила. В экспедицию он попал, как предполагал Литке, по ходатайству отчима — капитана над Петербургским гребным портом подполковника С.И. Минацкого (1766—1840), который слыл «фаворитом Аракчеева»⁵². Однако, вероятно, тут сыграло роль и то, что младший брат его отчима Михаил Иванович Минацкий, командовавший Якутской областью, был старинным приятелем Головнина ещё со времён волонтёрства на Британском флоте⁵³.

В отличие от Врангеля и Литке, Фёдор Матюшкин, выпущенный из Царскосельского лицея с чином коллежского секретаря и годовым жалованием в 700 руб., казалось, никаких шансов попасть на «Камчатку» не имел. Отец его, Фридрих (Фёдор) Иванович Матюшкин, советник посольства в Германии, давно скончался. Мать, Анна Богдановна (урождённая Медер), с 1810 г. состояла классной дамой в Екатерининском институте благородных девиц; по слухам, ей благоволила вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Влюблённый в море лицеист-романтик мечтал о далёких странах, но прочитанных им книг о путешествиях было явно недостаточно, чтобы заинтересовать Головнина. Спустя годы А.С. Пушкин в стихотворении «19 октября» скажет о товарище: «Счастливый путь! С лицейского порога / Ты на корабль перешагнул шутя, / И с той поры в морях твоя дорога, / О, волн и бурь любимое дитя!»⁵⁴. В 1817 г., после окончания Лицея, Матюшкин проживал в семье его директора Егора Антоновича Энгельгардта, по-отечески опекавшего талантливого юношу. «Мысль жить в Петербурге с незначительным содержанием казалась ему очень

⁵⁰ Там же. С. 97. Впрочем, за время плавания мнение Головнина о Литке изменилось: в 1820 г. он уже рекомендовал назначить молодого лейтенанта руководителем научной экспедицией для изучения Новой Земли.

⁵¹ Там же. С. 87.

⁵² Там же. С. 89. Своим «возвышением» будущий вице-адмирал Минацкий был во многом обязан тому, что в 1815 г. успешно провёл из Петербурга в Грузино паровую яхту «Голубка», подаренную Александром I Аракчееву (Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829 гг.) / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1883. С. 218, 220); *Морозова В.В., Ивашкина Л.Ю.* Минацкие — моряки и библиофилы // VI Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции «Человек и история: Вариации на тему». Ульяновск, 2012. С. 431—437; Аракчеев: свидетельства современников / Сост. Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина, А.М. Песков. М., 2000. С. 101—102, 142, 143.

⁵³ РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 31 об., 32.

⁵⁴ О Матюшкине см.: *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887; *Попов-Штарк В.* Фёдор Матюшкин. Л.; М., 1940; *Шешин А.Б.* Друг Пушкина Ф.Ф. Матюшкин — декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 161—166; *Ильин П.В.* К вопросу о принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к тайному обществу декабристов // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С. 270—284.

тяжёлой, — писал Энгельгардт матери Матюшкина в Москву, — и я, наверное, не ошибаюсь, если скажу, что эта мысль в значительной степени подействовала на его решение идти в плавание»⁵⁵.

Зная о желании бывшего ученика отправиться в морскую экспедицию, Энгельгардт решил помочь ему устроиться на «Камчатку» и обратился за поддержкой к министру духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицыну⁵⁶. 7 июня кн. Голицын направил маркизу де Траверсе письмо: «С самых юных лет он (Матюшкин. — Д.К.) имел страстное желание путешествовать морем. Желание сие его не может быть удовлетворено поступлением в морскую службу, ибо он не обучался нужным для того наукам; но ныне представляется к сему удобный случай определением его в каком-либо звании при капитане Головнине... по письмоводству»⁵⁷. Особо отмечалась способность юноши «изъясняться свободно на трёх языках, французском, немецком и своём природном», хорошее знание математики и естественной истории, отличное поведение, прилежание и твёрдость характера. Одновременно с посланием де Траверсе кн. Голицын доложил о просьбе Энгельгардта императору, и Александр I повелел маркизу узнать, «найдёт ли возможным Головнин взять сего гражданского чиновника с собою». «Суровый» капитан поначалу заупрямился. «Назначенные на вверенный мне шлюп офицеры знают иностранные языки и умеют хорошо рисовать, — заявлял он, — следовательно, в г. Матюшкине я ни малейшей нужды не имею и могу очень хорошо и без него обойтись». Но, в конце концов, Василий Михайлович уступил и признал, что подобный энтузиаст «со временем может быть полезен» и, «не желая лишить его охоты к морской службе», согласился дать ему гардемаринскую должность, определив на ют под команду Литке⁵⁸.

28 июня Матюшкин явился к Головнину с письмом от Энгельгардта. «Хотя не имею я удовольствия быть Вам лично знаком, — писал директор Лицея, — а потому по обыкновенному в большом свете порядку и не мог бы относиться к Вам прямо с просьбою, но как дело идёт не о церемониях, а об оказывании благодеяния достойному молодому человеку, то и ласкаюсь я, что Вы, милостивый государь мой, великодушно извините меня в нарушении сего порядка. Податель сего, бывший мой воспитанник г-н Матюшкин, по благосклонности Вашей достиг теперь цели всех своих желаний, он отправляется в море. Я уверен, что Вы, узнав его добродушие, откровенность и необыкновенные дарования, полюбите его и удостоите его отеческого назидания и руководства.

⁵⁵ РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1197, л. 62.

⁵⁶ «Я вознаграждён тем, что директор наш... обещал доставить мне случай сделать морское путешествие. Капитан Головнин отправляется на фрегате “Камчатка” в путешествие кругом света, и я надеюсь, почти уверен, идти с ним», — писал Матюшкин своему товарищу по Московскому университетскому пансиону Сазоновичу 10 июня 1817 г. (*Грот Я.К.* Старина Царскосельского лицея // Русский архив. 1875. Кн. 1. № 4. С. 484).

⁵⁷ РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 235.

⁵⁸ Там же, л. 232—233 об. Перед отплытием Матюшкину был предоставлен 28-дневный отпуск для поездки в Москву к матери, которую, как писал Энгельгардт Головнину, «он более шести лет не видал и, может быть, более не увидит никогда» (РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 22806, л. 1 об.). Вернувшись в Петербург, начинающий мореплаватель с головой погрузился в штудирование специальной литературы, попросив, в частности, Егора Антоновича срочно переслать ему забытые в Лицее «Правила, принадлежащие к морской геодезии» Г.А. Сарычева. Книга должна была находиться у Б.К. Данзаса из второго лицейского выпуска. «Нельзя ли Вам будет её переслать в Петропавловскую гавань, — спрашивал Матюшкин, — в Камчатке она мне будет очень нужна и как можно скорее» (РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1197, л. 9).

Он в том имеет великую нужду, ибо, будучи совершенный иностранец, на свете не знает ни людей, ни обычаев»⁵⁹.

Познакомившись с Головниным, Матюшкин с восторгом сообщал своему покровителю: «Вы знаете, Егор Антонович, как я был обрадован, когда Вы мне объявили, что я отправляюсь с капитаном Головниным. Я радовался всем предстоящим опасностям и трудностям, они имели для меня какую-то привлекательность. Все отважные мореходцы потеряли в глазах моих всю цену, мне казалось, что всяк может на столь дальнее и продолжительное плавание решиться, но теперь я вижу свою ошибку, вижу, сколько мужества и твёрдости нужно, теперь в разлуке со всеми, к коим я привязан узами родства, дружбы и благодарности, теперь я чувствую всё пожертвование, которое я сделал. Но уже нечего делать, славнейший шаг сделан — ветер наполняет паруса, Кронштадт скрывается»⁶⁰.

Вскоре для Матюшкина начались тяжёлые испытания. Головнин едва не высадил его в Англии из-за морской болезни, и только после настойчивых просьб согласился оставить гардемарина на корабле. Затем наступили морские будни. «Вы весьма ошибаетесь, — писал Матюшкин Энгельгардту с “Камчатки”, — если думаете, что я имею много праздного времени. Нигде может быть время дорого, как на море. Нет ни одной минуты, которая бы могла быть праздною. Вот я Вам опишу, как я провожу день. С самого утра до полдня я занимаюсь математикою, навигациею и астрономиею — всё же [время] после обеда я посвящаю чтению путешествий». И это помимо вахт и авральной работы. «Я даже не очень часто съезжал на берег, — признавался будущий адмирал и сенатор, — сидел всё почти за навигациею и астрономиею, потому что думал, что мне будет экзамен — но его не было, чему я несколько рад, потому что сии две науки знать, не поле перейти»⁶¹. Такой подход вполне отвечал требованиям Головнина. «В начале похода, — вспоминал Литке, — я не имел никакого понятия о службе; воротился же настоящим моряком, но моряком школы Головнина, который в этом, как и во всём, был своеобразен»⁶².

Таким образом, при выборе В.М. Головниным членов экипажа решающее значение имели личное знакомство, добровольное желание отправиться в плавание и рекомендации авторитетных лиц и друзей. «Суровый» капитан, в сущности, действовал достаточно гибко, а когда дело касалось талантливых молодых людей, потерявших родителей и нуждавшихся в опеке, становился самым настоящим «благодетелем», помнившим о том, как сам пережил тяжёлое время сиротства.

⁵⁹ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 22806, л. 1, 1 об.

⁶⁰ Там же, ф. 93, оп. 2, д. 162, л. 17, 17 об.

⁶¹ РО ИРЛИ (Пушкинский дом), д. 22774, л. 13, 13 об. Весной 1820 г. Матюшкин был назначен в экспедицию к берегам Северного Ледовитого океана под начальством Ф.П. Врангеля, а в 1825—1827 гг. сопровождал его в кругосветном плавании на шлюпе «Кроткий». Закончил он свою службу адмиралом и председателем Морского учёного комитета.

⁶² *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 94.